

Хелена
Хейл

*От автора романа
«Сердце зимы»*

СЕРДЦЕ
ЛЕТА

Хелена Хейл

СЕРДЦЕ
ЛЕТА

Посвящается бабушке Нине...

ПЛЕЙЛИСТ:

1. Михаил Круг — «Владимирский централ»
2. The Black Eyed Peas — «My Humps»
3. Эйкон при участии Эминема —
«Smack That»
4. One Republic — «Apologize»
5. The Pussy Cat Dolls — «Buttons»
6. Evanescence — «Bring Me to Life»
7. Нелли Фуртадо при участии Тимбалэнда —
«Say it Right»
8. The Rasmus — «No Fear»
9. Skillet — «Comatose»
10. Macklemore & Ryan Lewis при участии
Рэя Далтона — «Can't Hold Us»
11. Ace of Base — «Happy Nation»
12. Mr. President — «Coco Jambo»
13. Мурат Насыров — «Я — это ты»
14. Boomfunk MC's — «Freestyler»
15. Кид Кади — «Day'N'Nite»
16. Fabolous — «You Be Killin Em»
17. Daughtry — It's Not Over

ЧАСТЬ 1

«Я устал быть тем, кем ты хочешь, чтобы я был.
Я утратил веру и чувствую себя потерянным.
Я не знаю, чего ты от меня ожидаешь,
Ты меня подавляешь.

...

Каждый шаг, который я делаю, для тебя —
очередная ошибка».

Linkin Park — «Numb»

ПРОЛОГ

2009 год, 2 июля

Я КРУТИЛА ПЕДАЛИ ВЕЛОСИПЕДА, наслаждаясь тем, как ветер обдувает тело и волосы, даря прохладу. Петляя по ложбинам деревни, я вывернула руль в сторону кладбищенской церкви. Некогда красный кирпич стал бледно-оранжевым, кое-где вовсе обвалился, однако купола смотрелись внушительно, играя на солнце серебристыми бликами. Кладбище пустовало, то есть, конечно, могил было много, а вот из живых никого не наблюдалось.

Устремившись к плотине, я снова на бешеной скорости проехала по ровному склону, чуть не запутавшись в педалях, и преодолела несколько кочек, чудом не свалившись с велосипеда. Дорог в нашей деревне не существовало, были лишь обкатанные тракторами колеи, которые как раз и считались проходимыми тропами. Удивительно, но я не встретила ни одного знакомого лица. Наверное, из-за тридцатипятиградусной жары все сидели

по домам, боясь свалиться от солнечного удара. А мне было тринадцать, поэтому никакие обстоятельства не могли удержать меня в четырех стенах.

Наконец я добралась до плотины. Прокатившись по прямой узкой дороге, я повернула налево, на свою самую нелюбимую тропинку. Те, кто ступали на нее в первый раз, запросто могли свалиться вниз, в глубокий овраг. Особенность этой тропы была в том, что она проходила под наклоном, буквально над обрывом, и была очень-очень узкой. Если бы бабушка или дед увидели, как я проезжаю этот опасный участок на велосипеде, мне бы пришел конец.

Я не собиралась сбавлять скорость и пугаться, глядя вниз, однако кое-что меня все-таки отвлекло. Я услышала громкие жалобные стоны. От резкого торможения взметнулась пыль, я откашлялась, прислонила велосипед к березе и подошла к обрыву: звуки доносились снизу. Обзор загораживал густой кустарник. Раздвинув неподатливые ветки, я опустила на колени перед склоном и осмотрелась.

— Помогите!

Бросив взгляд туда, откуда доносился голос, я заметила руку, скользившую по торчавшему из земли камню. Не на шутку перепугавшись, я поняла, что, кроме меня, тринадцатилетней хилой девчонки, помочь некому. Схватившись за гибкий тонкий ствол дерева, росшего прямо на обрыве, я осторожно ступила на выступ.

— Я здесь! Сейчас попробую помочь! — крикнула я.

Дерево изогнулось, и я не знала, выдержит ли оно двойную нагрузку, но что оставалось делать? Добравшись до острого камня, в который вцепилась неизвестный, я, встав на колени, схватила его за руку, продолжая держаться за хилый ствол дерева. Это был единственный способ взобраться наверх.

— На счет «три» хватайтесь! Раз, два, три!

Тут в мою руку вцепилась чужая рука, и я изо всех сил потащила неизвестного наверх. Песок и камни осыпались из-под ног. Мальчишка забросил ногу на выступ, ухватился свободной рукой за ствол дерева, и мы вместе выбрались наверх, несколько раз поскользнувшись на осыпавшемся песке. Пару минут полежав и отдышавшись, я оседлала велосипед и внимательно посмотрела на мальчишку — он так и валялся на тропинке, глубоко дыша.

То, что я видела его впервые, меня поразило. Как-никак я знала всех жителей деревни. Вероятно, новенький или приехал погостить к знакомым. У него были непослушные кудрявые каштановые волосы, темно-зеленые глаза цвета еловой хвои, широкий нос с горбинкой и большеватые для мальчишки губы. В тринадцать я считала, что у всех мужчин губы тонкие и невыразительные. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать.

Наконец он встал, отряхнулся, откашлялся и зашагал в сторону плотины. Я недоуменно уставилась ему вслед.

— Эй, а где «спасибо»?! — крикнула я.

— Ага! — бросил он в ответ и скрылся за деревьями.

Чувство несправедливости и злости захлестнуло меня. Каков хам! Не зря я не любила новеньких, да и бабушка не раз рассказывала мне о том, как в нашей деревне орудовали воры, крали даже детей, поэтому я не придумала ничего лучше, чем просто ретироваться с места встречи, вместо того чтобы догнать паренька и столкнуть его обратно в овраг. Зачем бабушка рассказывала мне эти байки в детстве? Наверное, хотела припугнуть, чтобы я была осторожнее, а в итоге превратила в параноика. Много лет спустя я вспоминала этот день с одной только мыслью — на кой черт я его спасла?

ГЛАВА 1

2011 год, 20 июня

НА ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ мы в очередной раз поехали в деревню. Она находилась в Курской области и отличалась полным отсутствием цивилизации. Дедушка включил диск Михаила Круга, бабушка ерзала на переднем сиденье, пытаясь устроиться поудобнее, а я, предвкушая чудесное лето, смотрела в окно, подпевая: «Владимирский централ, ветер северный...».

Лето не просто мое любимое время года. Это вообще любимое время моей жизни! Я хандрю осенью, ненавижу зиму и зачеркивала в календаре весенние дни, ожидая наступления лета. Даже мой день рождения — пятнадцатое июля — находился в самом сердце солнечного, жаркого времени года.

Спустя десять часов пути мы на одеревеневших ногах вышли из машины. Наша деревня делилась на две части, их называли «левая сторона»

и «правая сторона». Отчего-то обе стороны всегда между собой соперничали, хотя почти все их обитатели были в близком или дальнем родстве друг с другом. Мне, можно сказать, повезло, потому что у нас здесь было два дома. Один на левой стороне, второй — на правой, к нему-то мы и подъехали. Это был дом прабабушки Люси, матери моего деда Вити.

Построенный в девятнадцатом веке побеленный штукатуркой одноэтажный дом был уютным и вместительным. Прямо от его стены тянулся высокий глухой деревянный забор, отгораживавший от посторонних глаз наш сад и, конечно, туалет — глубокую яму, в которую страшно упасть, но еще страшнее там однажды задохнуться. В саду также располагались сарай и погреб, где хранились вкуснейшие закрутки, старые велосипеды, метлы, лопаты и прочая хозяйственная утварь.

Перед домом, прямо у крыльца, цвели розовые и белые пионы — гордость прабабушки. Дед припарковал у забора свою «ласточку» — она же белая «Лада четверка» — и постучал в массивную деревянную дверь дома. Баба Люся выскочила и принялась всех по очереди целовать. Вернее, нас с дедом. Бабушку Надю, свою невестку, она недолюбливала. Это было взаимно. Бабе Люсе исполнилось восемьдесят пять, а она была все так же шустра и ловка. Пригласив нас за стол, она выставила не меньше десяти тарелок с различными блюдами. Когда и как она успела их приготовить, ума не

приложу, и все они были невероятно аппетитны, а аромат соленых огурцов и помидоров вообще сводил меня с ума.

— Аглайка, да как же ты выросла! Невеста! — охала баба Люся, наливая чай из самовара. Лет ему было больше, чем бабе Люсе.

Мы не виделись с прабабушкой два года. Прошлым летом у мамы и дедушки совпал отпуск, потому я провела его сначала на море, а потом в лагере. Честно говоря, если бы мне предложили выбор — море или деревня, я бы не раздумывая выбрала деревню. Для меня наш уединенный уголок в Курской области был лучшим местом на земле. Бабушка Надя убежала к своей подруге, соседке, а мы с дедушкой уплетали угощения. Прабабушка стояла в углу и улыбалась, глядя на нас.

— Добавки? — спросила она.

— Нет, спасибо, — хором ответили мы с дедушкой.

Какое облегчение, что бабушка Надя сбежала к соседке. Если бы осталась, они с прабабушкой наверняка бы спорили и обменивались ядовитыми фразами.

— Аглая, мы с бабушкой поедem на другую сторону. Если хочешь, можешь остаться у прабабушки, — сообщил дед, хрустя огурчиком. — Ты с подружками встретишься?

— Да, мы уже договорились, — кивнула я, выходя из-за стола. — Бабуля, спасибо, было очень вкусно!

Баба Люся и дедушка принялись обсуждать соседей и все деревенские новости. Я прошла в главную комнату. Всего комнат было две, если вторую вообще можно было воспринимать в качестве спальни. Там была лишь печь и раскладушка, вместо двери — занавеска. В главной же комнате стояло три кровати, стол, покрытый вычурной скатертью, шифоньер и стул. Конечно, имелся угол с иконами, а над постелью прабабушки висел портрет Есенина, которого в детстве я считала нашим почившим родственником. Кивнув Сергею в знак приветствия, я подошла к столу, над которым висело старинное зеркало в толстой металлической раме. Прямо под ним стоял портрет дедушки в юные лета — голубоглазый брюнет с густой шевелюрой строго смотрел с фотокарточки.

Глядя в зеркало, я поправила свои пепельно-русые волосы длиной чуть ниже плеч. Глаза покраснели от долгой дороги и раннего подъема. Губы потрескались от сухой жары. В деревне незачем было краситься и уж тем более наряжаться. На всю округу был один клуб, а поход туда считался праздником, ради которого можно было привести себя в порядок.

Захватив рюкзак с лимонадом, телефоном и влажными салфетками, я пошла на условленное место встречи с девчонками. Еще в городе я позвонила подругам, и мы договорились, что они будут ждать меня в вагоне заброшенного поезда. Да, странноватые координаты. Дело в том, что прямо

перед домом Милены стояла невесть как туда попавшая мотодрезина со «штурвалом» управления — я не знала точно, как называть эту штуковину, — с прицепленным к ней обычным товарным вагоном. Несколько лет назад между нами велась ожесточенная борьба за место у «штурвала», мы воображали себя машинистами. Те, кому не повезло оказаться в числе первых, изображали стук колес.

Миленин дом располагался через дорогу от нашего, в самом конце правой стороны. Я выбежала из дома в своем потрепанном джинсовом комбинезоне и побежала вприпрыжку, предвкушая встречу с подругами. Соседи, возившиеся в картофельном поле, приветствовали меня взмахом лопат.

— Здравствуйте, тетя Нюра и баба Валя! Добрый день, дед Максим! — кричала я, стараясь как можно быстрее добраться до девочек и избежать участи быть расхваленной и опрошенной.

Пыль фонтанчиками вздымалась из-под ног, пока я шлепала кроссовками по извилистым дорожкам. Уже издалека я увидела на дрезине милых моих девчонок. Аня и Милена махали мне из-за «штурвала». Я замахала в ответ и ускорила темп.

— Гайка, привет!

Анька выскочила и чуть не задушила меня в объятиях.

— Привет! Вы давно приехали?

— Я десятого, Анька вчера, — ответила Милена.

Милена не очень любила прикосновения и объятия, поэтому я аккуратно клюнула ее в щеку. Она посмотрела на меня своими добрыми карими глазами и широко улыбнулась. Милена была смугловатой — гены отца грузина. Однако все семейство Милены носило фамилию матери, даже отец стал Грачевским, чтобы лишний раз не испытывать хлопот с документами. Черные волосы она, как обычно, остригла под каре. Носик у Милены был маленький и аккуратный, хотя с первого взгляда становилось ясно, что в девчонке течет грузинская кровь. Анька же была белокожей, с длиннющими золотистыми волосами. Синие, широко распахнутые, близко посаженные глаза лучились радостью, а пухлые крупные губы изогнулись в улыбке. На солнце ее молочно-белая кожа не загорала, а только краснела. Мы были знакомы с раннего детства, да еще и родились в один год! Родители наши тоже дружили, особенно моя мама с матерью Ани. Баба Надя же была лучшей подружкой Миленой бабушки — Светланы Вадимовны.

Подруги были для меня самыми близкими и дорогими людьми на планете! Мы даже жили в одном городе, Москве! Вот только в разных, отдаленных друг от друга районах, поэтому учились в разных школах и в городе виделись очень редко. Мама только в прошлом году начала отпускать меня на прогулки дальше нашей станции метро.

— Скоро подтянутся Вовка с Дроном, — сообщила Милена.